

ТАК УЖ ПОЛУЧИЛОСЬ, что мы не сразу нашли нужную квартиру — пришлось обзвонить несколько соседних. И потому невольно «подсмотрели» жизнь этой девятиэтажки по улице Аэродромной, 126. Где на звонок отзывался залихватский лай, где громкий топот детских ножек, где сразу доверчиво распахивали дверь, а где разговор шел через цепочку. Словом, обычная «обыденка» огромного девятиэтажного дома — со своими голосами и звуками, всплесками эмоций и своим укладом жизни.

А здесь на звонок в прихожей послышались шаркающие шаги, выдающие походку пожилого человека. По тому, как хозяйка растерянно улыбнулась, увидев, что пришли совсем не те люди, на чей звонок она поспешила с такой готовностью, по устоявшейся, ощущаемой почти физически, тишине сразу можно было почувствовать, что здесь поселилось горе...

БОЛЬ МАТЕРИ

Только мы проводили в армию в апреле 1983 года. Два месяца или больше, точно сейчас не помню, получали от него письма из учебного центра. А через полгода как снег на голову: приезжайте в госпиталь...

Опустим дальнейшее — что передумали в дороге, какой встреча была. В этой части рассказа каждое слово полито материнскими слезами. Одна операция, другая... Конечный диагноз — инвалид первой группы с полной потерей зрения. Чуть ли не в первом бою подстерегла душманская граната молодого волжанина Анатолия Жданова.

Толя успокаивал: могло, мол, быть хуже. А куда хуже! Толя у нас до армии закончил медицинское училище в Борске, дальше учиться думал. И вот все прахом. Хирург сказал: «Вашему сыну лучше в городе остаться. В селе ему работа вряд ли найдется. Да и насчет удобств — ни о дровах, ни о воде не надо заботиться». Правильный, добрый совет он дал, по гроб жизни ему обязаны.

Теперь, значит, нам с отцом тоже из деревни надо сниматься, не бросишь же незрячего в большом городе. Спасибо, областной военкомат подействовал, в Советском райисполкоме помогли. Квартиру дали хорошую, со всеми удобствами. Толя сразу невестку в дом привел, Нину. В больнице они познакомились. Оба на работу при обществе слепых устроились. Внука, Толечку, вскоре нам подарили.

Вроде бы налаживаться стала жизнь. Но, видно, пришла одна беда, то отворяй все ворота. Как-то Толе нужно было сходить в участковую больницу, на очередное обследование. Вернулся весь расстроенный, хмурится. Сели чай пить — у него чашка ходунком. Я перепугалась: уж не болезнь ли какая! Тихонько Нину спрашиваю. «Да нет, мама, накричали на Толю в больнице. Вот и разнервничался». В другой раз сама с ним на прием сходил. Участковый врач Максимова, ког-

да вошли в кабинет, сразу из-за стола: «Подождите, я сейчас». Это «сейчас» мы в коридоре часа два выжидали. Толю уже колотить начало. Думаю, лучше от греха подальше. С тем и ушли. А Толя все молчком, молчком, морщинок только прибавляется, да зубами по ночам скрипит.

Но разве только в больнице такое отношение. Толя к магазину по обеспечению инвалидов прикреплен. Раз сходил он туда с Ниной — и больше ни шагу в ту сторону. Сама теперь хожу или отец. «Обслужат» так, что идешь в следующий раз и вся дрожишь. Но ведь ради сына надо. На нервной почве у него желудок стал больной, печень. Только и ест, что чай со сгущенкой. А той сгущенки вместо двух банок одну дают. Разве же можно так! Да я за эту банку полжизни готова отдать. Разве же там не знают, кому она нужна...

Вот у нас тут поблизости продуктовый магазин есть, меня уже все продавцы знают. (Магазин № 940 Советского райпищеторга). Всегда приветливо встретят: «Тетя Клава, после обеда должны свежую колбаску привезти». Или сосиски там — для Толи. Когда говоришь с такими людьми, и жить хочется...

Слезы материнские так и не просыхали. И пока она приводила свои чувства в порядок, по отдельным ее жестам, когда-то уже виденным, но уже полузабытым, по отдельным характерным словам я все пытался вспомнить — где мы раньше могли встречаться с этой женщиной? Ну, конечно же, в селе Таволжанка Борского района! Вернее, больше с ее мужем, бывшим партнером тамошнего колхоза «Родина» Петром Абрамовичем Ждановым. И, конечно, будь он в эту минуту здесь, а не на работе, я бы сразу вспомнил эту когда-то жизнерадостную, гостеприимную хозяйку большого дома. Так изменили ее эти годы и состарили слезы.

А Клавдия Семеновна, словно бы уловив мои мысли, продолжала:

— Я в колхозном животноводстве работала. От людей, без похвалы, только почет

и уважение видела. А здесь, в городе, что я умею! Вот подрядилась подвезды убирать, от людей прячусь. Правда, Толю с Ниной всегда могу встретить, за внучком в садик сходить. У мужа тоже. Пока работает, а там к пенсии надвое еще сказать — как будет засчитываться колхозный стаж.

«Да мы что! — улавливалось в этих словах. — Лишь бы Анатолия и его семью ограбить от всех бед. Жизнь свою готовы за это положить». В это время они и пришли — Анатолий и Нина. Клавдия Семеновна, приложив палец к губам — я, мол, вам ничего

не говорила, — заторопилась их встречать, изо всех сил старалась вернуть улыбку на свое лицо. Да и в разговоре она не раз обращалась к нам: «Только Толе ничего об этом! А то опять не будет спать». Но разве обманешь даже едва уловимой сменой чувств человека, уже привыкшего к своей слепоте. По оттенкам в голосе матери Анатолий сразу понял, о чем шел разговор, и с укоризной обратился к Клавдии Семеновне:

— Мама, ты опять?!

Потом незряче повернулся в нашу сторону: «У нас гости?» И вся наша «маскировка» пошла насмарку. Потому я и пишу об этой встрече.

Перед тем, как побывать у Ждановых, мы встретились еще с некоторыми «афганцами», у которых в буквальном смысле этого слова война оставила осколки в душе и теле. Осколки под сердцем, у самого виска... Больно, тяжело видеть такое!

Позже я поделился своими чувствами с одним знакомым, между прочим, врачом по профессии. В частности, его потряс эпизод с банкой сгущенки. (Пора, пожалуй, назвать и адрес этого магазина: улица Свободы, 79, магазин № 901 Советского райпищеторга). Он молчал некоторое время потрясенный, а потом сквозь зубы стал выцеживать каждое слово:

— Предатели! (Это он в адрес работников магазина и своего коллеги — участкового врача А. И. Максимова из медсанчасти № 9 Советского района). Знаю, что люди, подобные Толе Жданову, никуда не пойдут жаловаться.

Это так: не пойдут. Но мне хотелось конкретизировать эту мысль — по тем встречам и впечатлениям, которые были до этого. Да, ребята с «Афгана» в главном не обойдены вниманием. Они получили как инвалиды войны жилплощадь вне очереди, по мере их возможностей трудоустроены. И что же, на этом кончилось наше милосердие, которое мы, кстати, обязаны проявлять в силу писаных законов. А законы души? Может быть, самые важные и нужные. Потому что кроме жилплощади

есть еще повседневная «обыденка», и она порой застужает душу больше, чем холодный ветер в афганских горах, ранит сильнее, чем осколки душманских гранат.

Вот вроде бы доброе дело. Перед приходом Анатолия Клавдия Семеновна успела сообщить: они с Ниной едут на курорт. Но опять-таки через какие только бюрократические рогатки и холодное равнодушие не пришлось пройти семье Ждановых! В облбесе вроде бы проявили «милосердие», но ровно той дозой, которая положена по инструкции — выделили только одну путевку на курорт. Вторую, для жены, пришлось выбивать в облсовпрофе, ибо не может Анатолий передвигаться самостоятельно. Брать билет на самолет, садиться на автобус в незнакомом городе и делать многое другое, что не просто делать в дальнем путешествии даже человеку со стопроцентным зрением.

И на днях узнаю: не пошло санаторное лечение на пользу. Пришлось по возвращении домой снова обратиться к тому же самому участковому врачу Максимова из медсанчасти № 9. И слышать в ответ, мягко выражаясь, всю ту же неприязнь.

У отца, Петра Абрамовича, есть старенький автомобиль. Всей семьей мечтают выехать на природу. А еще хотелось бы съездить на родину, показать ее внуку. Но стоит ма-

шина по существу без колес. Я заинтересовался после этого разговора в областной ВТЭК, положены ли в такой ситуации хотя бы запасные части. И в ответ услышал буквально следующее: «Слепота — не беда! Вот если бы рук или ног не было, тогда имел бы право на внеочередное приобретение автомобиля». Но разве на войне человек сам себе выбирает ранение или группу инвалидности?

Хорошо, еще раз хочется повторить, что у нас есть гуманные законы по отношению к инвалидам войны, принесшей столько горя во многие семьи. Они помогают жить и верить в чудо. Хорошо, что в это чудо помогают верить и близкие люди — мать, отец, жена, родные. Анатолий, например, не перестает верить в свое прозрение. А если и не поможет операция с благополучным исходом, то «прозреть» он решил с помощью собаки-поводыря.

Но как легко могут разрушать эту веру и надежду невежество и бессердечие. Они, как неразорвавшиеся мины, таят опасность на каждом шагу — в магазине, в клинике, в троллейбусе. «Не банки сгущенки вы лишаете, — хочется вновь сказать работникам магазина № 901 по улице Свободы и им подобным, — вы подкладываете мину под нашу общую веру».

Ю. МИГАНОВ.
Фото Ю. Рубцовой.